

Людмила В. Царева (Санкт-Петербург)

Творчество С. М. Баркер и прерафаэлиты

Ключне речи:
феи цветы, прерафаэлиты,
поэтическая концепция,
детализация, книжный
разворот.

Чланак је посвећен С. М. Баркер, енглеској уметници и песникињи, која није шире позната руском читаоцу јер њене књиге досад нису превођене на руски језик. У раду су представљени фрагменти ауторског поетског превода једне од књига С. М. Баркер, уз анализу њеног стваралаштва у светлу повезаности са прерафаелитским уметничким правцем.

«...Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно».

— Н. Заболоцкий

Творчество С. М. Баркер (1895–1973 г. г.), английской художницы и поэтессы, мало знакомо русскому читателю, поскольку её книги не переводились на русский язык. Между тем, на Западе она рассматривается как классик детской литературы, и её изящные, очень английские книжки по праву пользуются международным признанием в англоговорящих странах.

С. М. Баркер написала восемь книжек о цветочных феях, представив наглядно и воспев в стихах множество цветущих растений Англии. Трудно представить прелесть этих миниатюрных сборников, не держа их в руках. Читающему эти строки придется поверить на слово, что книги о феях похожи на букеты изысканных цветов и растений с завораживающими детишками-феями, прячущимися между

 Система 2009

листьями. При этом составлен букет с хорошим вкусом и чувством меры, без аляповатости и гигантомании, изобилующей в современной русской детской книге.

210

Каждая иллюстрация сопровождается стихотворением-песней феи. Стихотворение позволяет автору полнее выразить своё поэтическое восприятие данного цветка и составляет с иллюстрацией неразрывное гармоническое целое. И как же может быть иначе, если и текст, и иллюстрация созданы талантом одного и того же мастера.

Автором настоящей статьи была предпринята попытка сделать поэтический перевод одной из книг С. М. Баркер («Цветочные феи зимы») (Barker 2002) в надежде на то, что эта книга будет издана в России на русском языке и найдет здесь своего читателя.

Статья имеет целью ознакомить читателя с некоторыми биографическими моментами и особенностями творчества С. М. Баркер, причем, главным образом, в аспекте его взаимосвязи с художественным течением прерафаэлитов. Дело в том, что именно это художественное направление оказало решающее воздействие на формирование творческой индивидуальности С. М. Баркер и во многом определило характер ее живописи и поэзии.

Как известно, прерафаэлитизм – направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века, образовавшееся в начале 50-х годов с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам. Названия «прерафаэлиты» должно было обозначать духовное родство с флорентийскими художниками эпохи раннего Возрождения, то есть художниками «до Рафаэля». (Википедия 2009).

Хотя мы наблюдаем определенное расхождение во времени между прерафаэлитами и творчеством С. М. Баркер, которое принадлежит уже XX веку, но это, по сути, не так существенно. Подлинные достижения культуры, подобно дальним звездам, продолжают нести свой свет новым поколениям и после того, как их создатели уходят.

Очевидно, С. М. Баркер ознакомилась с творчеством прерафаэлитов еще в детстве. Она родилась в 1897 году в английском городке Кройдоне, неподалеку от Лондона. (Wikipedia 2009). В детском возрасте Сисли страдала от эпилепсии и оставалась физически слабой большую часть своей жизни. По причине слабого здоровья она не могла посещать школу и потому обучалась и воспитывалась дома, проводя много времени в уединении, за чтением и рисованием. В 13 лет, благодаря протекции отца, Сисли стала членом Кройдонского Художественного Общества, и там они вместе выставляли свои работы. Тогда же Сисли стала обучаться заочно на Художественных курсах по переписке, это обучение длилось 10 лет.

В 1911 году, когда Сисли было 15 лет, отец представил её работы Туку, издателю печатной продукции, и тот купил четыре её рисунка для поздравительных открыток. С этого момента она стала продавать свои работы издателям открыток, а позднее и книгоиздателям. Это послужило хорошим финансовым подспорьем семье Баркер, поскольку её отец умер, когда Сисли было всего 17 лет, и она, её старшая сестра Дороти и их мать оказались в сложных материальных обстоятельствах.

Сисли была упорна и трудолюбива. Она посылала свою первую книгу о цветочных феях в несколько издательств,

прежде чем фирма Блэки приняла её для публикации. За первую книгу «Цветочные феи весны», состоящую из 25 иллюстраций и стихов, она получила всего 25 долларов, по доллару за фею! За первой книжкой последовали ещё 7 книжек о феях.

Первая книга фей вышла в свет в 1923 году, и была хорошо встречена публикой. Это было время, когда картинки с изображением фей были в большой моде. Сама английская королева Мэри посылала тогда своим знакомым открытки с феями.

Огромной популярностью пользовалась в начале 20-го века книга Д. Барри «Питер Пэн». Уставшее от ужасов войны, английское общество было очаровано невинностью и надеждой, исходивших от книг С. М. Баркер. Действительно, что может быть очаровательней детей и цветов! Сисли удалось соединить эти два чуда в своих феерических фантазиях.

Семья С. М. Баркер была глубоко религиозной, и она сохранила в себе сильную христианскую веру на протяжении всей своей жизни. Помимо открыток и книжек о феях, С. М. Баркер много потрудилась на ниве христианского искусства. Так, ею проиллюстрированы многие книги религиозного содержания, включая «Библейские рассказы», которые она написала совместно с сестрой Дороти. Она также сделала многочисленные росписи для часовен и церквей и принимала активное участие в церковной жизни своего прихода. Каноник И. Хилл вспоминал о ней, как одной из «столпов церкви Святого Эндрю в Кройдоне».

Что давало силы этой физически слабой женщине сделать и успеть так много? Думается, в первую очередь дух взаимопомощи и христианской любви, который связывал мать и двух дочерей в ма-

ленькой семье Баркер. Недаром первую свою книгу фей Сисли подарила матери, сопроводив свой дар теплыми благодарственными стихами. В них поэтесса, в духе христианской символики, сравнивает мать с лозой, себя – с виноградной кистью, а книгу – с первым вином. Вино происходит от винограда, но в первую очередь – от питающей его лозы. Сисли глубоко чувствовала, сколь многим она обязана матери.

211

Как было сказано выше, творчество С. М. Баркер во многом определялось влиянием прерафаэлитов. Отметим некоторые особенности этого художественного направления и проследим, как они претворяются в иллюстрациях и стихах мастера. При этом мы акцентируем те особенности, которые отметили художественные критики, близкие прерафаэлитам по времени и по идейно-художественным установкам. Заметим в скобках, что прерафаэлиты были осуждены на яростную критику, порой незаслуженную, на всех этапах своего творчества, начиная с их первого заявления о себе в 1848 году. Однако уже сам ожесточенный характер этой критики свидетельствовал о значительности их достижений, что и подтвердил дальнейший культурный процесс.

Говоря о внутреннем родстве С. М. Баркер с прерафаэлитами, следует прежде всего подчеркнуть тот факт, что, как и многие представители этого направления, она владела двойным даром – живописи и поэзии. Самым значительным поэтом среди художников – прерафаэлитов был Д. Г. Россетти. Интересно, что сам он «считал, что ему удалось более основательно освоить методы воплощения поэтических концепций с помощью вербальных и ритмических средств, не-

жели с помощью формы, рисунка и [...] цвета». (Rossetti 1891: xxx). Об этом свидетельствовал его брат, тоже прерафаэлит, У.М. Россетти в предисловии к посмертному сборнику стихов Д. Г. Россетти. Между тем, истинную популярность Д. Г. Россетти принесла все-таки живопись.

Как бы то ни было, по сути живописная и поэтическая образность были взаимно дополняющими средствами воссоздания поэтической концепции мира Д. Г. Россетти. Разумеется, талант С. М. Баркер не сопоставим по масштабам с даром Д. Г. Россетти, однако, подобно выдающемуся прерафаэлиту, художница сумела овладеть как невербальным, так и вербальным образным языком для достижения единой поэтической цели.

Во второй половине XIX века осознание внутреннего родства поэзии и живописи можно было проследить не только в индивидуальном творчестве мастеров искусств, но и на теоретическом уровне. У. Моррис говорил о том, что живопись и поэзия подобны двум сестрам (Моррис 1973: 389). Несколько позднее А. Роден скажет об этом еще определеннее: «Живопись, скульптура, литература и музыка ближе друг к другу, чем обычно полагают. Они все отражают чувства человеческого сердца, которые вызывает природа. Меняются лишь средства выражения» (цит. по: Владимирова 2004: 55).

Так на рубеже веков в искусстве Европы набирала силу идея синтеза искусств. В творчестве С. М. Баркер эта идея найдет свое осознанное воплощение в жанре книжной графики. На одном книжном развороте сборника дается иллюстрация с изображением феи и соответствующее стихотворение. Их единство представлено в визуальном восприятии; мы видим, как изящно украшает поэтическую

страницу деталь растительного мотива, подробно разработанного на иллюстративной странице. Прочитав стихи, мы ощущаем смысловое и поэтическое единство текста и иллюстрации.

Характерной чертой прерафаэлитов и, вслед за ними, С. М. Баркер был «натурализм» или верность природе, достигаемая «отличной техникой, острой наблюдательностью и мастерством художника» (Моррис 1973: 391). Великолепная техника прерафаэлитов имела в своей основе тщательную работу с натурой. Такая работа, кстати, запечатлена в знаменитой картине Д. Г. Россетти «Отрочество Девы Марии». Традиционный сюжет предусматривал изображение Марии за чтением священного писания, но у Д. Г. Россетти Мария не читает, а вышивает лилию, и притом словно списывает ее с природы – лилию держит перед Святой Девой ангел.

Подобно прерафаэлитам, С. М. Баркер стремилась к максимальной точности в изображении растений. Если у нее не было подходящей природы, она обращалась за помощью в лондонский ботанический сад Кью Гаденс. Служащие этого сада неоднократно наносили ей визиты и привозили необходимые образцы. Но то, что выходило из-под её кисти, отнюдь не было сухой констатацией факта, иллюстрированным ботаническим пособием. В эти растения вложено столько любви, чувства изящного, хорошего вкуса.

Что касается изображений фей, то каждая из них имела своего прототипа. Моделями служили детишки из детского сада, которым заведовала сестра Сисли, а также дети родственников; иногда позировала маленькая девочка-служанка, приходившая помогать по хозяйству. Вот почему все феи такие живые и разные, они улыбочивые и задумчивые, задири-

стые и отважные и каждая очаровательна по-своему и отражает уникальную душу избранного растения.

Принцип натурализма в изобразительном искусстве С. М. Баркер, как и у прерафаэлитов, отнюдь не имел целью бездушное копирование действительности. В основе этого принципа лежали идеи Д. Рёскина, выдающегося критика и идеолога прерафаэлитизма. Д. Рёскин считал, что цель искусства состоит в том, чтобы показать «немыслимым и незрячим [...] высшую красоту [...] существующую в самых незначительных, самых мельчайших творениях Бога» (Рёскин 1901: 25). Эту же мысль подхватил и развил ученик Д. Рёскина, У. Моррис. Он видел истоки декоративности искусства в отражении красоты созданного Богом мира и, в частности, мира цветов. Так, ему принадлежит следующее образное

высказывание: «Лондонские цветы [...] более изящно украшены крапинками, чем самый крошечный трюфель, некогда разрисованный монахом» (Моррис 1973: 138). Очевидно, что С. М. Баркер, в силу ее глубокой религиозности, эти идеи были особенно близки.

Приведем еще одно высказывание У. Морриса о том, как он мыслил себе будущее искусство: «Ибо мы тогда, наконец, обретем глаза, чтобы видеть [...] Мы поведаем друг другу многое о радости окружающей нас жизни [...] о птицах и зверях и о том маленьком мире, где они обитают, об облаках, плывущих по небу, о том, как колышет ветер тонкие стволы деревьев, о шелесте их ветвей, обо всех вновь и вновь возникающих явлениях природы» (Моррис 1973: 386). Именно это увидит и покажет нам С. М. Баркер в своем творчестве.

213

Песня феи бризы (кукушкины слезки)

Лишь ветерок послышится—
Деревья шелестят,
И листья все колышутся,
И бриза с ними в лад.

Тогда меж трав красуясь,
В такт листьев и стеблей
На цыпочках танцует
Легчайшая из фей!

The Song of the Totter-grass Fairy

The leaves on the tree-tops
Dance in the breeze;
Totter-grass dances
And sways like the trees—

Shaking and quaking!
While through it there goes,
Dancing, a Fairy,
On lightest of toes.

Книжный разворот сборника далек от статично красивого стоп-кадра. В нем есть не только цветы, но и листья, сережки, шишки, колючки; а еще облака, ветер, солнце и метель; птицы и белки... – целый мир английской природы, живой, взаимодействующий, радостный.

Здесь мы переходим еще к одной черте, воспринятой С. М. Баркер у прерафаэлитов. Это «тщательная проработка деталей» (Росетти 2005: 7), на которую указал У. Патер, известный литературный критик, современник Д. Росетти, говоря о его поэзии. Художнице удает-

Система 2009

ЛЮДМИЛА В. ЦАРЕВА

ся в деталях разработать «дизайн» рядов фей, а в стихах отметить нюансы взаимодействия избранного цветка ландшафтом. Вот интересная деталь: в *Песне феи зимнего жасмина* отмечается,

Песня феи зимнего жасмина

214

Все лето листики мои на солнце зеленели,
Цветочков не было — зато на ветках птицы пели.
Ступила осень на порог, и дни короче стали,
И весь я на ветру продрог — и листики опали.
Взгляни, взгляни — как серы дни,
Забавы лета — где они?

А вот зима, и холода, и снежный вихрь колюч;
Мне холодно, но не беда: порой и солнца луч
Блеснет, улыбкой озарит, так радостен и ярко —
Я в декабре готовлю всем рождественский подарок!
Взгляни, взгляни — мои цветы,
Для утешенья, для мечты.

Пусть ласточки, боясь зимы, за море улетели —
Когда с друзьями вместе мы, нам не страшны метели.
Снегирь со мною, мой дружок, и шустрая синица,
Где у стены жасмин пышной, хлопочет и резвится.
Мы здесь, мы здесь — взгляни, взгляни;
Пусть будут в радость эти дни!

Как справедливо отмечал У. Патер, детализация является «первейшим условием для поэтического взгляда на вещи и для поэтического их изображения» (Росетти 2005: 7). Опираясь на точно найденную деталь, С. М. Баркер удаётся добиться соприкосновения с чудом — появлением души растения, олицетворенной в образе феи. Чудо это происходит и на иллюстрации, и в стихах. Феи переговариваются, философствуют, озорничают, танцуют; они гармонично вписаны и в стихию изо-

что «у стены жасмин пышной» — намек на типично английский сад у стены, *walled garden*, где цветы растут лучше под прикрытием от ветра.

The Song of the Winter Jasmine Fairy

All through the Summer my leaves were green,
But never a flower of mine was seen;
Now Summer is gone, that was so gay,
And my little green leaves are shed away.
In the grey of the year
What cheer, what cheer?

The Winter is come, the cold winds blow;
I shall feel the frost and the drifting snow;
But the sun can shine in December too,
And this is the time of my gift to you.
See here, see here,
My flowers appear!

The swallows have flown beyond the sea,
But friendly Robin, he stays with me;
And little Tom-Tit, so busy and small,
Hops where the jasmine is thick on the wall;
And we say: »Good cheer!
We're here! We're here!«

браженной природы, и в стихию поэтического слова.

Когда-то Андерсену удалось оживить и заставить говорить штопальную иглу. Цветы не надо оживлять, они, несомненно, живы; нужно только услышать их наивно-мудрые песни. С. М. Баркер их услышала и увидела певцов...

Каждой фее присущ свой неповторимый голос, своя интонация. Тут есть и восхищение мудростью природы, но без ложного пафоса (чувство меры всегда

стихи 2009

спасает художника); звучит также нежная мелодия колыбельной, мягкий юмор и детская задиристость, ненавязчивая назидательность. И за всем этим стоит «предельная искренность», «живая, естественная речь» (Россетти 2005: 6).

Если сравнивать изобразительную и поэтическую составляющие творчества С. М. Баркер, то наиболее впечатляет, конечно, первая, и особенно современного читателя с его интересом к видеоряду. Однако, как было указано, без стихов задуманный образ не мог бы быть воплощен столь многогранно. Иллюстрация статична, она фиксирует один прекрасный момент жизни, поэзия же дает динамику мысли и чувства.

[...]”So held she through her girlhood; as it were
An angel-watered lily, that near God
Grows and is quiet. Till one dawn, at home
She woke in her white bed, and had no fear
At all, – Yet wept till sunshine, and felt awed:
Because the fullness of the time was come.”

(Россетти 2005: 229).

Возвращаясь к творчеству С. М. Баркер, отметим, что на ее книжном развороте стих никогда не является зеркальным отражением иллюстрации. В нем всегда присутствует движение во времени или пространстве. Например, в песне феи бересклета

Песня феи бересклета

Весь розовый от ягод бересклет
Преображен оттенками заката;
И так горяч, так лучезарен цвет,
Что мнится: ветки пламенем объаты.
Когда же треснет ягода в свой срок,
Оранжевое семечко зажжется;
Пока мерцает этот огонек,
Листва спадет и с ветром унесется.

Вспомним уже упомянутую картину Д. Россетти «Отрочество Девы Марии». Художник написал стихотворение к своей картине, как своего рода пояснение, поскольку его живописная трактовка темы была далека от канонической. В стихотворении намечена мощная временная перспектива. Отрочество Марии рассматривается как отдаленный в прошлое, но важный этап в судьбе Богородицы, предуготовивший ее к великой миссии. Контраст благодатного спокойствия Марии-отроковицы и сильнейшего потрясения, которое ей предстоит пережить в будущем, создает поле поэтического волнения.

215

ресклета представлены все фазы осенних метаморфоз этого растения, от ярко-розовой кульминации середины осени, до зимнего засыпания. Взгляд живописца помогает С. М. Баркер запечатлеть в стихах яркие цветовые моменты.

The song of the spindle berry fairy

See the rosy-berried Spindle
All to sunset colours turning,
Till the thicket seems to kindle,
Just as though the trees were burning.
While my berries split and show
Orange-coloured seeds aglow,
One by one my leaves must fall:
Soon the wind will take them all.

Стих 2009

ЛЮДМИЛА В. ЦАРЕВА

И скоро, феи, спать ложимся мы
Под колыбельную седой зимы.
Ну, а пока так ярок наш наряд —
Алеет бересклетовый закат!

Soon must fairies shut their eyes
For the Winter's hushabies;
But, before the Autumn. goes,
Spindle turns to flame and rose!

В песне феи сосны мы живо представ-
ляем себе все это роскошное высокое де-
рево с карабкающимися по стволу белка-

ми, в то время как на иллюстрации видна
только верхушка, тайное убежище феи.

216

Песня феи сосны

The songs of the pine tree fairy

Стоит высокая, высокая сосна;
Вверх-вниз, вверх-вниз по ней
карабкаются белки;
Сосна улыбчива, коричнево – красна,
И по душе ей эти беличьи проделки.

A tall, tall tree is the Pine tree,
With its trunk of bright
red-brown –
The red of the merry squirrels
Who go scampering up and down.

А на высокой, на высокой той сосне
Иголки острые зелено-голубые;
И шишки темные на самой вышине,
И в каждой семечки запрятаны живые.

There are cones on the tall, tall Pine tree,
With its needles sharp and green;
Small seeds in the cones are hidden,
And they ripen there unseen.

А феи заняты веселой игрой
Там, на вершине, на высокой той сосне:
Они бросают белкам шишки по одной—
Жаль, что увидеть не удастся это мне!

The elves play games with the squirrels
At the top of the tall, tall tree,
Throwing cones for the squirrels to nibble
I wish I were there to see!

Иногда в стихах автору удается вы-
разить свою жизненную позицию или
моральную установку. Несколько подза-

бытые современным обывателем истины
оживляются свежей образностью.

Песня феи пастушьей сумки

The song of the shepherd's purse fairy

Обо мне, что беден я, люди говорят—
Но не верь людской молве— мудр я и богат:
Каждый крошечный цветок, только опадает,
В форме сердца кошелек в дар мне оставляет.

Though I'm poor to human eyes,
Really I am rich and wise.
Every tiny flower I shed
Leaves a heart~shaped purse instead.

И дары в тех кошельках истинно благие—
Как монеты там лежат семена живые.
Ты попробуй это семя в землю насажай—
Порослью живых растений будет урожай.

In each purse is wealth indeed
Every coin a living seed,
Sow the seed upon the earth
Living plants shall spring to birth.

 Стихи 2009

summary

C. M. Barker's Creative Works and the Pre-Raphaelites

218

The article deals with the creative work of C. M. Barker, an English artist and poet (1895–1973), who wrote and illustrated 8 books of flower fairies, glorifying a number of blooming plants of England. Her books are hardly known in Russia since her poems have never been translated into Russian.

The author of the article has made an attempt to make a poetical translation of one of her books, "Flower Fairies of the Winter", hoping to publish it in Russia.

In the article both pictorial and verbal aspects of C. M. Barker's work are analyzed, being inseparable components of her creativity. The predominant influence of the Pre-Raphaelites' artistic movement on C. M. Barker's work is traced in detail. Some parallel original/translated (by the author) verses are included.

Библиографический список

- Barker 2002: **Barker, Cicley Mary**. Flower Fairies of the Winter. – London.: Frederick Warne Publishers – 45 p.
- Википедия 2009: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Прерафаэлиты>
- Владимирова 2004: **Владимирова, Анна**. Франция на рубеже XIX и XX веков. Литература, живопись, музыка, театр. – СПб.: Издательство Санкт-петербургского университета. – 147 с.
- Моррис 1973: **Моррис, Уильям**. Искусство и жизнь. / Пер. с англ. – М.: Искусство. – 512 с.
- Рёскин 1901: **Рёскин, Джон**. Современные Художники. / Пер. с англ. – М.: Товарищество Типографии А. И. Мамонтова. – 476 с.
- Риордан 1987: **Риордан, Джеймс**. Народные сказки Британских островов. – М.: Радуга. – 388 с.
- Россетти 2005: **Россетти, Данте Габриэль**. Дом жизни. Сонеты. Стихотворения. / Пер. с англ. – СПб.: Издательство Азбука-классика. – 412 с.
- Rossetti 1891: **Rossetti, Dante Gabriel**. The Poetical Works of Dante Gabriel Rossetti. – London: Ellis and Elvey. – 676 p.
- Wikipedia 2009: http://en.wikipedia.org/wiki/Ciceley_Mary_Barker.